

НЕВЕСЕЛОЕ ПОСЛАНИЕ ИЗ 2000 ГОДА

Может ли великая держава задавить психику маленького человека?

Как только в Интернете прошла информация о заявлении президента об отмене принципа избираемости губернаторов и глав республик, мы ощутили что-то вроде тихой безнадежности. Не понятна нам логика власти; мы продолжаем видеть связь между чеченским вопросом и бедой в Беслане и, наоборот, не понимаем, как может борьба с губернаторами победить терроризм? Содержание интервью, взятого четыре с половиной года назад, многое объясняет, но не утешает. Господа журналисты, а ведь мы сами виноваты во многом...

Иосиф Михайлович Дзялошинский

Председатель Совета директоров Независимого института коммуникативистики, президент Правозащитного фонда «Комиссия по свободе доступа к информации», профессор ГУ ВШЭ, член-корреспондент Международной академии информатизации, член редакционного совета Российской коммуникативной ассоциации.

- После президентских выборов журналисты поняли, что прессу можно игнорировать, можно купить, ее можно просто не замечать, не считаться с ней и не уважать. На что нам надеяться в дальнейшем и какие перспективы выстраиваются в связи с приходом новой власти?

- Сейчас написать один-единственный сценарий развития событий в масс-медийном пространстве очень сложно. Потому что объективно не выстроена система отношений в четырех основных пространствах, куда встроены масс-медиа и печать в частности. Речь идет об экономической политике государства, о политической системе в новом режиме (а что мы входим в новый режим - это понятно). Не очень ясна ситуация в социальном пространстве, и совсем непонятно, что будет в духовном пространстве России (то есть какие новые идеи станут доминантными на ближайшие 10-11 лет, на очередной период развития российской истории). На сегодняшний день все попытки заставить Путина более или менее внятно сформулировать свою программу не имеют успеха.

Возможны несколько сценариев. Первый: Путин будет продолжать некую более или менее внятную либеральную политику, ориентированную на развитие частного бизнеса, хотя бы среднего и малого, и на вхождение России в экономическую систему Запада. В этом случае у прессы появляется некий шанс, так как, естественно, будут деньги, будет реклама, будет контроль западных фирм за тем, как и какие деньги расходуются в России. Это один сценарий.

Второй, которым нам угрожают, а раз угрожают, значит, для этого есть какие-то основания: будет усиливаться роль государства. Это означает возвращение к системе госплана. При этой системе о сколько-нибудь значимой рекламе речи идти не может. Либо реклама будет использоваться как дубинка для управления медийными процессами.

Если наша экономика будет ориентироваться по-прежнему на высокие цены на нефть, это означает, что вся наша экономика будет «сидеть на игле» и рассчитывать, что из нее пойдут деньги на прессу, не приходится.

В политике то же самое: совершенно очевидные антизападнические настроения, связанные с педализацией идей о великой державе, с усилением армии, МВД, силовых структур. Это, конечно, знак. Я согласен с теми, кто говорит, что 26 марта в России уничтожено демократическое движение как таковое, потому что те несчастные проценты, которые набрал Явлинский, то ничтожное количество людей, проголосовавших за Титова, говорят о том, что в стране нет не то что массовой, а практически никакой поддержки демократическим ценностям. А это означает, что Путин получил карт-бланш на антидемократические политические действия, то есть теперь можно совершенно спокойно игнорировать демократов.

В политической сфере - очевидно, что политическая линия будет связана с безусловным приоритетом сил, ориентированных на доказывание всем и вся, что Россия по-прежнему является великой державой. Происходить это будет за счет огромного перенапряжения сил; ведь доказать то, что мы великая держава, мы сможем лишь в том случае, если все опять затынем пояса и бросим деньги на вооружение, на всевозможные имиджевые акции, направленные вовне, на всю эту мишуру, которой мы все 80-90 лет и отличались от всего мира.

В социальной сфере, во взаимоотношениях различных слоев населения сейчас пока еще неустойчивое равновесие. Связано это с тем, что группы населения, ориентированные на Запад, на экономику, на частный бизнес, на динамичное развитие России, находятся в глубоком «подполье» и в перепуганном состоянии, а на первый план выходят группы, относящиеся к военно-промышленному бизнесу. Эти группы населения, естественно, будут требовать права на доминирование в обществе.

Очевидно, что идет война между социальными группами, которая может привести к тяжелейшему новому потрясению социальных отношений...

- Есть ли такие ценности, которые могут сейчас возрождаться?

- Нам сейчас надо думать не о возрождении, а о формировании ценностей: ценностей рынка, прав человека, закона, ориентированного на права человека. Но мы, похоже, возвращаемся к системе ценностей великой державы, ориентированной на то, что государство выше личности.

Особенно опасно, на мой взгляд, педализация идей об особом пути России, о том, что мы страна православная, а все прочие - нехристи и враги. Это - прямая дорога к самоуничтожению.

Что касается прессы, в которой аккумулируются все эти проблемы, то здесь ситуация просто катастрофическая. Катастрофа, определенная не столько внешними обстоятельствами, сколько абсолютной неготовностью журналистского сообщества жить и действовать в этих сложных условиях. Журналистское сообщество в целом (я не говорю об отдельных людях, которые до сих пор сохраняют светлую голову и чистые руки) сдалось немедленно, продалось на корню со всеми потрохами, готово было обслуживать кого угодно и как угодно за самые мизерные гонорары.

Стремление выжить любой ценой, естественное для любого обычного человека, но противоестественное для людей некоторых социальных функций (телохранители, спасатели, к ним я отношу и журналистов), привело к тому, что подавляющее большинство руководителей СМИ абсолютно потеряли ощущение того, в чем смысл журналистской деятельности. Они говорят: «Это же бизнес, мы же должны делать газету,

кормить сотрудников». На мой взгляд, это измена сути журналистской деятельности, которая должна выражать мнение общественности и обеспечивать общественность информацией. Это распад профессионального сознания.

Сегодня российские масс-медиа не представляют никакой опасности ни для какой власти и ни для какого режима. Есть, конечно, отдельные журналисты и даже отдельные СМИ, вроде «Новой газеты», стремящиеся сопротивляться липкой лжи, окутывающей страну, но власть держит их для камуфляжа, чтобы можно было на всех углах заявлять: да у нас вон сколько свободы печати. Но речь идет о неких отдельных очагах сопротивления, которые можно в любой момент удушить силовым порядком.

Речь в данном случае не о режиме Путина: его команда делает то, что может, и так, как умеет. Можно даже предположить, что они движимы самыми хорошими намерениями: усилить страну, поднять ее престиж, увлечь народ высокими идеями, - мало ли какими камнями вымощена дорога в ад. Речь о том, что многие, очень многие российские журналисты не хотят, а зачастую и не могут иметь, а тем более защищать те идеи, во имя которых начинались перестроечные преобразования: права личности, господство нормального закона и т.п. (Когда я говорю «нормального закона», то имею в виду закон, направленный на защиту прав человека. А то ведь закон может быть разным: в фашистской Германии были и исполнялись законы, в сталинской России тоже была диктатура закона). Но законы должны быть ориентированы на защиту личности, а не государства от личности, как у нас до сих пор.

Российская публицистика всегда жёстко делилась на охранительную и противостоящую режиму. И в самые темные времена в российской журналистике всегда были люди, которые боролись за идеи европейского просвещения, (по поводу которых доморощенные постмодернисты презрительно кривят губы, не понимая, что для того, чтобы критиковать Просвещение, надо прожить в нем хотя бы двести лет).

Сейчас я оглядываюсь вокруг и никого не вижу... Может быть, плохо смотрю? Может быть, вы назовете мне журналистов, которых читает или слушает лучшая часть страны? Не потому, что им кто-то предоставил возможность вещать на самых доступных каналах, а потому, что их мнение для нас очень важно. Вот это, на мой взгляд, самая большая проблема....

Все это вызывает ощущение какой-то тихой безнадежности.

- Получается, что те завоевания демократии - свобода, независимость прессы, о которых по инерции ещё продолжают говорить, сейчас не больше чем декларация?

- Мы в течение нескольких лет проводили экспертные опросы по поводу свободы и независимости. Там есть совершенно жесткая кривая, согласно которой, если считать по пятибалльной системе, получается, что свобода и независимость прессы в 1991 году измерялась на 4,5 балла, а в 2000 году на 1,3 балла.

Кто виноват? Кто-то сопротивлялся? Кто-то бунтовал? Хоть кто-то в профессиональном сообществе требовал: «Дайте нам независимость!»? Требовали: «Дайте денег, дайте льготы». Вот это требовали.

Все эти годы уровень независимости прессы снижался, а мы при этом были наблюдателями. Ни разу за все эти 10-11 лет журналистское общество в целом не

выступило в свою защиту. Все это время ребята занимались тем, что зарабатывали деньги на том, что продавали свои способности любому, кто их сможет купить.

- Выходит, что свободы вообще не было? По сути, когда она свалилась на нашу голову, мы даже не поняли, что это такое, как ею воспользоваться, а когда мы начали немного понимать, ее уже не стало.

- Совершенно верно. В нашем графике есть любопытные моменты: в 1991 году - 4,5 балла, в 1992 - 4,3, в 1993 - резкое падение до 3,1 балла. И вот тут бы задуматься журналистскому сообществу. В 1994-м держалось на уровне 3 баллов. В 1995 - опять провал - 2,7 балла. В 1995 году, как вы помните, началась Чечня, и тогда впервые показали, кто в доме хозяин. К этому году российское чиновничество поняло, что к чему, и начало брать власть в свои руки, а журналистам показали их место. И они опять смирились, за исключением опять же некоторых буйствующих журналистов, которые рвались в Чечню, хотели писать честно о том, что происходит. А все профессиональное сообщество с самого начала либо не понимало, зачем ему свобода, либо не верило в долговечность свободы.

Я сейчас смотрю на тех, кто тихо прожил эти 11 лет в газетах под названиями «Правда того» и «Правда сего», и думаю, что именно сейчас и именно они опять будут на коне. Они опять попадают в свою среду, когда им дадут указания, все надо будет выполнять и все будет хорошо. Может быть, они и умнее всех нас?

Но я все время исхожу из того, что чем свободнее человек, тем быстрее развивается страна, цивилизация и духовность в том числе. Все наши заявления о бездуховности Запада - это совершенно позорные заявления, говорящие о полном неведении того, что там происходит, о полном непонимании. Поэтому получается, что мы сами себя выбрасываем из мирового процесса, сами себя обрекаем на забвение и исчезновение с карты мировой цивилизации. То есть, может быть, и будет такая страна Россия, может, она и будет одной пятой мирового пространства. Но мы уже сейчас перестали быть значимыми. И не потому, что у нас стала маленькой армия, не потому, что у нас плохая экономика, а потому, что мы не можем предложить человечеству новых идей.

Но понимать это мы не хотим. Предпочитаем думать, что вокруг одни враги и только поэтому у нас не все хорошо. Нам очень хочется закрыть глаза, поставить везде занавес, ничего не видеть, ни с кем не разговаривать, копать свой огород, выращивать капусту и чувствовать себя счастливыми. И думать, что нас ничего из того, что происходит во всем мире, не затронет. Затронет, обязательно затронет.

- А если бы вы были сейчас редактором газеты, никакого другого дела вы бы не имели, то каковы бы были ваши действия?

- Вряд ли имеет смысл говорить о моей личной позиции. Как только на радиостанции, где я несколько лет вел передачи, мне стали указывать, кого надо хвалить, а кого ругать, я немедленно ушел из эфира. Но это может позволить себе человек, у которого есть запасной аэродром - другое дело. Если же редактор понимает, что нормально работать не дадут, а ничего другого, кроме газеты, он делать не умеет, можно уйти в «полезную» журналистику. Печатать советы на все случаи жизни, рассказы просветительского характера, истории, напоминающие о простых нормах человеческой морали.

Трудно решать за других людей. Это надо быть президентом. Видимо, возможны разные варианты, кроме одного: оказания помощи властям в установлении нового порядка.

Антонина Верченoвa